

Дорогой Илья, на этот раз твое письмо шло сравнительно долго, я его получила только вчера что до книги, то мне думается, что я её вовсе не получу. Анти-антантное настроение прежде всего отражается в усиленных предосторожностях против всяких печатных и писанных проникновений из недружественных стран в нашу. Это очень неприятно, но неизбежно, по видимому, особенно последнее время, то там, то сям обнаруживались, какие то заговоры или попытки к ним, из газет не разберешь, и вот "заграница" стала подозрительна и все имеющие связь с нею тоже. Как ни досадно, что теперь когда, как говорят, в Москве уже и думать забыли, что простая, безпартийная и неимеющая никакого отношения к политике, родственная напр, переписка может рассматриваться как намек на "организацию" но на окраинах это еще принято, хотя надо думать временно. Недаром мне как то снилось, что ты вернулся домой, а я вместо слез радостных проливала горькие и всё твердила: "зачем, зачем ты приехал". И наяву я скажу: хорошо, что тебя нет здесь... Живи как тебе нравится делай то дело которое ты выбрал надейся твои футуристические теории войдут в жизнь и т.д.

Ни в каком случае я не стану больше возражать против твоих литературных занятий, теперь ты уже далеко ни мальчик и если до сих пор продолжаешь быть тем чем ты был 10-12 назад. Значит ты рожден футуристом и умрешь им. Вот, недавно, совсем случайно, я была на одном вечере, где были и грузинские поэты, и так же случайно, я стала объектом их речей, как мать двух замечательных (?!) сыновей: талантлив, энергичных и т.д. Особенно Тициан, Табидзе восхищался тобой, называл тебя "первым", "единственным" футуристом в России, не находил слов в восхищении твоего ума и пр. Но с великой грустью подчеркнул, что вот ты уехал, а мелкота "Крученых, Маяковских и др." стали первыми, объявили себя создателями нового направления в литературе и совершенно умалчивают о тебе, о том, что ты именно был родоначальником этого новшества, потом печалился, что ты, ушел из Грузии где ты нашел бы себе столько дела в археологии, в исторических памятниках, в литературе и где тебя, любили бы все любящие искусство. Если я его еще встречу, скажу ему что напрасно он печалится, т.к. ты определенно считаешь себя "свежим", а московских футур. протухшими. А если дойдет сюда твоя книга, пусть она убедит их, твоих поклонников, что ты не терчешь времени в Париже, как они думают.

Дороговизна нашей жизни растет ежеминутно, но что не делаете вы

катастрофичной на вид, ^{это} есть изобилие всего: продуктов, мануфактуры, овощей, фруктов, всевозможного хлеба, всё есть. Меня это страшно радует, пусть дорого, но есть, можно выбрать, помечтать, что нибудь приобрести, а когда лавки пусты, базары пусты, тогда хотя бы деньги и были - тоскливо.

18го декабря 1923

Мне кажется, что в Париже все же дешевле чем здесь, свхв по тому, что для тебя 25 ф. сумма, а на наши деньги это всего 75 мил. Боны, т.е. просто ничто на которое ничего в сущности нельзя приобрести, т.к. напр. пара перч. стоит 200 мил. и парч чулок столько же. На днях мы продали наше пианино, оно пережило все фазы переходного времени, но теперь я решаюсь продать его, чтобы заплатить некот. назойливые долги и иметь возможность ~~хоть на~~ неделю съездить в Батум, к морю. В продолжении трех лет я ни разу не везжала нигуда, не отдыхала, а последнее время особенно встало сердце до того, что мне трудно всякое движение и вообще все трудно. Я всегда так любила батумский воздух что и теперь ~~жду~~ от него если ни исцеления то облегчения. Больных у меня сейчас почти нет, так что я хочу использовать эту случайность, т.к. в противном случае ~~я все буду~~ откладывать свой отдых, как я делала еще весной и летом. Если поеду буду писать тебе оттуда.

Прошло уже пять дней после твоего письма, не шлю ответа, все жду книгу, но едва дождусь. У нас нет зимы, еще не было снега, редки дожди и не дуют обычные ветры, много солнца, это, это такая радость. Бесплатная роскошь юга, я так радуюсь этому, если бы еще не было и этого, было бы совсем тускло и мертво. О своих домашних нечего писать. Кирил понемногу работает, папа... светится хлопчет, Алик растет, Вади еще очень мало развернула свою ~~модную~~ деятельность, но это не по ее вине. Зина уютненько вбрала свою комнату и сидит там, как мышка, вчера топили камин, жарили каштаны, Алик блаженствовал оттого, как они стреляли. Часто в этой комнате ~~устрани~~вается детский чай, ставится маленький самоварчик и т.д. Посылка Зины состоит из золотого кольца с аметистом и той персидской старор^{ой} или ~~врее~~ старинной шали, которую ты вероятно помнишь. Вероятно послать посылкой будет очень дорого, а передать не всегда можно, ты спроси Тамару, напиши ей, я редко, почти не получаю от нея писем. Сейчас у меня нет ее адреса, ^{едемте} дошлю узнать Трентова, адрес: Фонтанка 165 кв. 9. Книг Мельниковой послать нельзя, по причинам

объясненным в начале письма.

20 дек.

Коля опять вкладывает свое письмо в мой конверт, если ты и теперь не ответишь ему хоть несколькими словами он поймет, что ты не хочешь его знать, а это... по меньшей мере несправедливо и не вежливо.

22 декабря

через два дня сочельник, теперь и у нас, как в Европе новый стиль, с той только разницей, что там 25 рожд. а у нас его нет, не полагается. Борьба с религиозностью ведется по всем фронтам с большим или меньшим усердием смотря по уму и разуму. И Елочка милая, славная елочка изгнана из "быта"... Было запрещено их продавать - правду рубили их нещадно к праздникам -, но говорят, что кой где уже зеленеет запрещенный плод и у счастливых детей предприимчивых родителей Елочка все же будет. Алик предлагал съездить в Боржом и срубить там "хоть маленькую". Ящик с елочными игрушками мочи весь очистил, так остались кой какие вещички, котор. Алик рассматривает с удовольствием, но он ни аккуратный и не бережлив, никогда ничего не кладет на место и не имеет ничего своего, у него все "Кирюшино Илюшино". Ваши тетради, картинки, книги, но все в беспорядке. Зина уже смотрит за вещами и по прежнему у меня ни всегда есть время и охота, так по немногу водворится новый стиль. А теперь уже пошли разговоры для ~~неборберечь~~ разные старые бумаги: письма, тетради и проч. Но пока я не хочу руководствоваться никакими благоразумными доводами, для меня прошлое так тесно с настоящим, так его поясняет, дополняет и в нем столько дорогого, что я не могу без моих милых, старых друзей. Конечно теперь я уже никогда не сделаю ничего что хотела напр. написать "историю детского ~~и никака~~" мне столько ^{неудержимо} раз ~~неудержимо~~ хотелось начать ее, это была бы отличная детская книга! Чего в нем не было, на этих полках и морские звезды и камушки с берега моря, и животные в банках, и сотни рисунков, марок, флажков и ~~развозимые~~ игрушки, собранные отовсюду и мало-ли что, и вот рассказать обо всем: о путешествиях, поездках, прогулках и разных случаях из жизни двух кошек, связать все вместе было бы отлично... Ах, как мне хотелось всегда писать, писать и так и не успела собраться. Ну, ничего, ты, мой дорогой, мое второе я, ты пиши и работай и за меня и за себя и пиши так, чтобы и детям можно было бы прочесть из твоих работ. Ты всегда любил ребят.

Ни забудь о них когда станешь писателем. А книги нет до сих пор...

Неужели ничего не дойдет до меня. Да, хорошо что ты не здесь!

26 дек. 1923

Ни то праздник, ни то нет! Кто считает Рожд. по старому стилю, кто ни по какому, кто по новому, но все едят, поют, пудит бурно, отовсюду несется "Мравал-айжамер", как всегда ходят визитами после и церкви и комсомольские клубы, на всех хватает на все. Алику сделали Елку из веточки пихты срезанной в саду - доволен. Вчера он был первый раз в Кино. Он смотрел какую-то пьесу: "Золотое озеро" Впечатление громадное, сегодня целый день рассказывает всем, что он видел.

27 дек.

Сегодня наконец отошлю тебе тонкое письмо. Надеюсь ты его поймешь... и не посетуешь за мелочность содержания, ведь всегда из мелочей составляется большое, чаще чаще не приятное чем приятное, как все в жизни. Не забывай писать мне у тебя не бывает времени или настроения на писаниа письма то ты хоть открытку присылай лишь бы чаще. Пиши Ильюша, м.б. уже не так долго тебе нужно будет поддерживать эти родственные связи, а то, как бы ни случилось так, что и захочется писать, а некому будет. Если перед тобой большая жизнь и миллион достижений, то передо мной почти ничего, это ни жалостные слова, а неизбежный факт, значит живи и поступай так что бы последнее грызло тебя сознание, что ты отказывал мне в том, что ни только составляло мое право, но и не было тебе неприятно. Как-то приходится каждый раз говорить одно и тоже, ты не хмурься, как же мне быть иначе? Ведь если я безропотно замолчу, ты несмотря на все свои нежные чувства ко мне не соберешься соорудить письмо и раз в год, а потом сам будешь терзаться этим, я ведь больше всего о тебе самом хлопочу...

Целую тебя крепко, будь здоров, живи весело и воюй со словами и буквами, не забывай Маму

Тифлис, Кирпичный 13

11 дек. 1927

Дорогой Ильич, последнее время я избалована была довольно частыми твоими письмами, с ними и известиями о тебе и твоей семье, а вот сейчас опять какая-то заминка. Жду, жду продолжение романа, а вот ничего, почему? Все ли благополучно? По зимам у тебя скверная привычка водить компанию с гриппами, не припожаловали ли они опять? Потом я не знаю времени когда произойдет увеличение семьи, может быть оно уже произошло?..

Поздравляю тебя, Асель и Мишелюк с Рождеством, впервые в этом году, впервые на протяжении 36 л. у меня не будет елочки... Не для кого, не знаю какие праздники будут в Кирилъа, сейчас они поместились временно, в общежитии Москов. губ. Рабиса. "Петровский парк Петровско-Разумовская аллея, дом 18 кв. 12. Заработков определенных нет. Дети хворают. Да, Москва, жестокий город, одни морозы чего стоят, хотя сейчас и у нас выпал снег и так подмерз, что ходить нельзя, скользко и все съезжались от холода, а я больше всех. С неделю назад, наконец-то появился у меня Какабадзе. Ну, конечно извинялся, все такое, ездил мол в Кахетию, хлопоты об устройстве своих дел, но до сих пор не имеет ни службы, ни квартиры, ни помещенья для картин, но, конечно, все это для него повидимому не трагично вовсе, у него здесь миллион родственников и в конце концов все устроится. Гудиавили тоже теперь уже устроился и имеет комнату светлую, уютную, имеет место профессора в академии, ездит в Москву на выставку национальных искусств, был признан и оценен в рецензиях и статьях, но если бы ты знал, как скучает тоскует и болеет его жена! О вы, женившиеся на парижанках, никогда не мечтаете о том, что ваши жены, после Парижа могут жить в России! Что им станет близок и любим чуждый край, незнакомый быт, неприемлемые условия этого быта, наша бедность и наша жизнь! Какие беды рассказывал мне с похвальным старанием быть подробным, о тебе, об Аксель, не забыл и Мишель, ^{метив} отгелель, что она никогда не плачет и очень хорошая девочка. Отрекомендовал тебя очень энергичным и деятельным и ~~действенным~~ текстильщиком и поручился, что ты скоро заживешь хорошо со своими рисунками. Пирумов больше не вернется в Париж.

Сейчас здесь в Тифлисе Маяковский / в его статье "только ни воспоминания" напечатанной в 7,8 книжке "Лефа" при перечислении лиц образовывавших общество деятелей искусства / в 17 году сказано: "от неупомоного юного ослинохвоста Зданевича др..." дальше не помню. Маяковский читает свои стихи, гремит с эстрады и голосом

и содержанием ~~не~~ по нынешним временам, над ним ни только не смеются, как во времена желтой кофты, но он популярен и пользуется большим успехом.

Как живет Володя, плохо кажется? Как Зига, есть ли надежда, что он поправится вообще и, что процесс уже остановился? Пожалуйста, адрес его! От Вали я ничего не имею из Берклея. Посылаю Аксель твою карточку, здесь тебе девять месяцев, пусть посмотрит на эту прелесть: глаза-то, глаза! Очень сокрушаюсь, что не могу ничего Вам прислать, никаких елочных гостинцев, но зима совершенно меня истощает в денежном смысле, лечебница хотя официально не закрывается, но фактически пустует. Если бы не эта удручающая забота, мне было бы совсем хорошо. Я отдыхаю, свободна, спокойна, делаю, что хочу, много читаю пишу, привожу в порядок...